

В обсуждении книги приняли участие доктор исторических наук В.А. Дёмин (Московский государственный индустриальный университет), А.Б. Николаев (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена), И.В. Омелянчук (Владимирский государственный университет), Ф.А. Селезнёв (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского), К.А. Соловьёв (Институт российской истории РАН) и С.А. Степанов (Российский университет дружбы народов), а также кандидаты исторических наук Ф.А. Гайда (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова) и С.В. Куликов (Санкт-Петербургский институт истории РАН).

### ***Игорь Омелянчук: Защитники самодержавия оказались не нужны монархии***

Монография А.А. Иванова является первым комплексным исследованием консервативных объединений в Государственном совете и Государственной думе в период Первой мировой войны. В ней прослеживаются их формирование, состав, внутренние конфликты, отношения с монархическими организациями, политическими оппонентами и правительством, наконец, причины краха монархистов. Данная книга, безусловно, не останется незамеченной читателями не только благодаря уникальности собранного в ней материала, стилистически безупречно изложенного, но и потому, что в исследовании чувствуется твёрдая (и, заметим, весьма обстоятельно аргументированная) научная позиция автора.

Правые объединения Государственной думы и Государственного совета А.А. Иванов обоснованно рассматривает как «две части единого политического организма (монархического лагеря)». По его мнению, «существовавшие неформальные связи членов правых объединений обеих законодательных палат, их консультативная деятельность, идентичность названий, а также явно заметная солидарность по основным вопросам политической жизни дают полное право воспринимать их как два крыла одной политической силы» (с. 53). При этом отсутствие формального единства между правыми в Думе и Совете объясняется «невозможностью законного создания каких-либо общих политических объединений, связывающих верхнюю и нижнюю палату, и желанием обоих объединений сохранять тактическую независимость» (с. 75).

Структура объединений правых была практически идентична: собственно правые и умеренно правые, представленные в Думе правой фракцией и националистами, а в Государственном совете – правой группой и группой правого центра. Учитывая разные принципы формирования этих законодательных учреждений, невольно возникает мысль о вмешательстве в этот процесс власти, стремящейся получить «работоспособную» конфигурацию парламентских фракций.

Однако, доказывая существование единства парламентских объединений обеих палат российского парламента, А.А. Иванов в то же время указывает на отсутствие такого единства между «парламентскими правыми» и монархическим движением в целом. Русский народный союз имени Михаила Архангела (РНСМА) с началом войны «прекратил политическую деятельность, а следовательно, и непосредственную связь с фракцией». «Русское собрание», выполнявшее роль интеллектуального штаба монархистов, в состав которого входило большинство представителей правой фракции, с января 1914 г. также

отказалось от политической деятельности. Не удалось парламентским правым найти общего языка и с возникшим в 1915 г. Отечественным патриотическим союзом. Только с Союзом русского народа (СРН), представленным в Думе двумя десятками членов, правая фракция вплоть до 1917 г. сохраняла достаточно прочные связи (с. 306). Однако нельзя забывать, что это была лишь часть СРН (так называемые «обновленцы» во главе с Н.Е. Марковым), численно значительно уступавшая своим оппонентам-дубровинцам, выступавшим против существования законодательного народного представительства. Раскол в правом лагере на «продумские» верхи и «черносотенные» низы, вызванный невозможностью согласования интересов представителей различных входивших в него социальных групп, ярко проявился на монархических совещаниях 1915 г., два из которых, организованные сторонниками А.И. Дубровина в Саратове и Нижнем Новгороде, прошли без участия правых парламентариев, а третьи («обновленческое»), в Петрограде, проигнорировали дубровинцы.

Таким образом, в работе А.А. Иванова показаны три уровня правого лагеря – «советский», «думский» и «черносотенный». Характеризуя отношения между ними, он пишет: «Насколько некоторые члены думской фракции правых стремились несколько дистанцироваться в общественном мнении от низовых черносотенных структур, настолько же некоторые правые “лорды” старались держать дистанцию по отношению к своим “необузданным” единомышленникам в Думе» (с. 75). Существование этого разделения являлось важнейшей причиной, не позволившей парламентским объединениям правых стать «штабом» монархического движения (с. 318). Сказывалось и отсутствие в них внутреннего единства. Ещё до войны, в 1913 г., в думской фракции правых наметился ряд разногласий между представителями дворянства, с одной стороны, и крестьянством и духовенством – с другой. Крестьяне-депутаты, недовольные жёсткой критикой правительства лидером фракции Н.Е. Марковым, даже «поднимали вопрос о создании особой крестьянской группы (не левее октябристов), которая была бы составлена не по партийному, а по социальному признаку». От крестьян не отставали священники, также объявившие о намерении покинуть правые скамьи. И лишь вмешательство (по просьбе Маркова) обер-прокурора Святейшего Синода В.К. Саблера предотвратило бегство духовенства от монархистов (с. 186–187). Между тем и дворянская часть фракции не проявляла должного «единомыслия», разделившись, по словам большевика А.Е. Бадаева, на «зарвавшихся марковцев» и «умеренных хвостовцев». Последователи А.Н. Хвостова явно уклонялись влево, доказывая необходимость «сотрудничества “со всеми здоровыми силами” Государственной думы, так как в противном случае большинство Думы обойдётся вовсе без правых и “вышвырнет их за борт”». И хотя благодаря принятым Н.Е. Марковым мерам из 46 желающих покинуть фракцию своё намерение осуществили лишь двое (П.А. Барач и А.П. Горсткин), зимой 1914 г. ситуация практически повторилась, и чтобы сохранить единство правой фракции, её лидерам пришлось согласиться на создание внутри неё «полуавтономной крестьянской группы» (с. 188, 190). Кстати, взаимоотношения руководителей фракции также оставляли желать лучшего: «Несмотря на кажущееся стороннему наблюдателю единомыслие тандема Пуришкевич–Марков, между этими политиками было далеко не всё гладко» (с. 66). Лишь начало мировой войны и принятый Думой принцип «священного единения» несколько затушевали внутренние противоречия в среде думских правых.

Правая группа верхней палаты, как отмечает А.А. Иванов, также не отличалась монолитностью, объединяя в своих рядах как крайних черносотенцев, так и либеральных консерваторов. Кроме того, в ней «чувствовалось разделение на назначенных и выборных членов Государственного совета». Если первые с недоверием относились к Думе, то вторые воспринимали её «как нужное и полезное» учреждение. В июле 1915 г. разброд и шатания едва не привели к распаду группы из-за жёсткой позиции её лидера П.Н. Дурново, требовавшего от правительства решительных действий и умения «приказывать». Часть её членов присоединилась тогда к правому центру, другие намеревались создать «вторую правую группу», и лишь отказ П.Н. Дурново от руководства правыми позволил монархистам сохранить организационное единство в Совете (с. 148–154).

В 1915 г. образование Прогрессивного блока несколько оживило объединительные тенденции в лагере монархистов, проявившиеся в том числе и в попытке создать «Чёрный блок», инициаторами которой стали П.Н. Дурново, И.Г. Щегловитов (от правой группы Совета), Н.Е. Марков и П.Н. Балашёв (думские фракции правых и националистов). Однако преодолеть разногласия между консерваторами различных оттенков, а тем более привлечь на свою сторону ближайших «соседей» (группу центра в Совете и правых октябристов в Думе) они не сумели. Как справедливо утверждает А.А. Иванов, главной причиной неудачи «стало то обстоятельство, что инициаторам создания “Чёрного блока” так и не удалось найти предмета для соглашения между консервативными парламентскими группами и выработать чёткую программу действий» (с. 195).

К концу 1916 г. среди правых думцев наметился очередной раскол, спровоцированный «революционной» речью, произнесённой В.М. Пуришкевичем 19 ноября, и выходом его из состава фракции. Усугубил ситуацию скандал, разгоревшийся после выступления лидера правых Н.Е. Маркова, публично оскорбившего председателя Государственной думы М.В. Родзянко. «Выходка Н.Е. Маркова, – пишет А.А. Иванов, – обошлась ему потерей большей части фракции, которая в конце ноября – начале декабря 1916 г. выделилась в группу независимых правых». «Независимые» монархисты оставляли за собой право свободной критики действий правительства. Однако, по словам автора, раскол фракции наметился ещё в 1913 г., и «поступок Н.Е. Маркова был не причиной, а лишь катализатором давно начавшегося процесса, особенно обострившегося в связи с общенациональным кризисом» (с. 364–365).

Распад думской фракции правых побудил власть усилить позиции консерваторов в Государственном совете, обновив состав его членов по назначению. Численность правой группы возросла при этом с 58 до 70 человек. Однако кардинально изменить ситуацию самодержец не решился, и правая группа так и не получила большинства, что делало её зависимой от позиции правого центра, сохранившего свою самостоятельность. По мнению А.А. Иванова, такая умеренная «чистка» верхней палаты свидетельствовала о том, что Николай II по-прежнему надеялся достичь компромисса с оппозицией.

С началом войны «эпическое» противостояние правых и либералов в стенах русского парламента было прекращено. В.М. Пуришкевич демонстративно помирился не только с националистом В.В. Шульгиным, но и с кадетом П.Н. Милюковым. А член Государственного совета Н.А. Зверев, «желая, чтобы “священное единение” с недавними политическими противниками сохранялось как можно дольше, допускал даже возможность корректировки прежнего курса

правых» (с. 98). Однако «священное единение» просуществовало лишь до лета 1915 г. и было нарушено либеральной оппозицией, поднявшей после поражения русской армии «патриотическую тревогу», следствием которой стало появление оппозиционного Прогрессивного блока. Расхожее мнение, будто «правые сразу же подняли знамя раздора и бескомпромиссной борьбы» с этим блоком, неверно. Как показывает А.А. Иванов, первые шаги монархистов в полемике со своими оппонентами «были сдержанными и политически корректными». Примером тому может служить письмо членам Государственной думы правого депутата В.Н. Снежкова, призывавшего Прогрессивный блок к диалогу (с. 162–163). Но, не увидев встречных шагов, правые изменили своё отношение к оппозиции, заявив, что и лозунг «священного единения» она использовала лишь с целью «получить доступ к правительственной работе и под этим флагом иметь возможность пускать мины под отечественный корабль» (с. 146). Особую тревогу правых вызывала деятельность общественных организаций (военно-промышленные комитеты, Земгор), которые под видом оказания помощи фронту создавали структуры для «штурма власти». Уже в ноябре 1915 г. С.В. Левашёв говорил о создавшейся вокруг Центрального военно-промышленного комитета «колоссальной вакханалии наживы» и призывал к ужесточению контроля над ним. Монархисты даже предложили создать вместо него Совещание из 9 членов Думы и 9 членов Совета под председательством военного министра. Одновременно они категорически возражали против включения в его состав промышленников, так как «последние начнут под видом патриотической деятельности и помощи стране проводить свои частные интересы в ущерб государственным» (с. 272–273).

А.А. Иванов обращает внимание на то, что император довольно часто ставил «на ключевые посты представителей правой группы Государственного совета, но каждый раз выходило, что ни один из них не оказывался способным ни поставить общественные процессы под жёсткий контроль власти, ни войти с общественностью в конструктивно-сотруднические отношения». В результате «получался замкнутый круг, выхода из которого охранительными политическими силами так найдено и не было» (с. 213). Вместе с тем «правые отнюдь не занимались безудержной апологетикой правительства», периодически критикуя его и указывая на ошибки министров. В этом не было ничего необычного, поскольку начиная с 1905 г. они почти постоянно находились в оппозиции к правительственной политике, заслужив прозвище «революционеров справа» (с. 203). Чаще всего ими критиковались В.А. Сухомлинов и С.Д. Сазонов. Однако в отличие от либеральной оппозиции, стремившейся «свалить» правительство, правые «желали делового совещания с властью, чтобы помочь ей найти средства для выхода из сложившегося кризиса». Характерно высказывание Н.Е. Маркова, заявившего, что монархисты не могут позволить себе «делать профессию из нападок на правительство и делать эту профессию во время войны» (с. 325).

В годы войны «программа правых» по сути сводилась к борьбе с «немецким засильем», дороговизной и оппозиционной печатью. Усматривая «немецкое засилье» в землевладении, торгово-промышленной и банковской сфере, правые настаивали на создании соответствующей думской комиссии, которая положила бы ему конец. При этом консерваторы стремились одновременно решить аграрный вопрос, защитить отечественных предпринимателей от конкуренции и поднять патриотические чувства населения. Комиссия была образована, но её

деятельность ограничилась проведением нескольких заседаний и не принесла какого-либо результата. По мнению А.А. Иванова, даже если бы программа правых и была реализована, «она едва ли смогла удовлетворить потребности крестьянства», разжигая в то же время его аппетиты. «Тот, кто начнёт с колонистских земель, непременно кончит вашими землями», – предупреждал правых П.Н. Милюков (с. 247). Кроме того, развёрнутая правыми антинемецкая кампания объективно способствовала росту антидинастических настроений. Не прибавляло им популярности и намерение наделять (или не наделять) нации политическими правами только по окончании войны и в строгом соответствии с «заслугами» перед империей.

Борьба с дороговизной правые предлагали путём установления экономической диктатуры, «которая может тут же карать, тут же наказывать и тут же конфисковывать». Размышляли они также о введении подоходного (или специального военного) налога, борьбе с пьянством, об эмиссионной политике и денежном обращении. Во всех этих вопросах позиция правых была достаточно реалистичной и конструктивной. Отвлечённо и утопично звучало лишь их предложение разрешать противоречия между рабочими и предпринимателями «по заповедям Божиим» – причину забастовок консерваторы видели исключительно в злокозненной агитации революционеров. Так или иначе программы монархистов были гораздо менее заманчивы, чем обещания их противников. Как вопрошал либеральный публицист: «Можно ли класть на одну чашку весов борьбу с дороговизной и с “немецким засильем”, когда с другой стороны лежит обновление государственного строя, восстановление справедливости, освобождение общества и народа?» (с. 253–254).

Не удивительно, что «правые расценивали (и не без оснований) медийную политику либеральной оппозиции как информационную войну, развязанную против самодержавного строя и его защитников». Они постоянно требовали от правительства «обуздать» либеральную печать, дискредитирующую власть и революционизирующую население с помощью всевозможных слухов и намеренно искажённой информации. «Бесчисленны были случаи, когда правым членам Государственной думы газетные “отчёты” приписывали прямо противоположное тому, что они говорили», – негодовал Н.Е. Марков. Впоследствии, напоминает А.А. Иванов, «добивавшиеся свободы слова и свободы печати либералы, беспощадно критиковавшие правых за их антидемократическую позицию, оказавшись у власти, почти сразу же запретили все правые газеты». Возмущал консерваторов и репертуар кинотеатров, заполненный иностранными лентами о французской революции (с. 287–290).

Много внимания в книге уделено анализу взглядов правых парламентариев на проблемы внешней политики. Хорошо усвоив урок Русско-японской войны, русские монархисты решительно выступали против участия России в новых конфликтах. Их противники заявляли даже о «полном отсутствии у правых славянофильских тенденций», что выражалось в нежелании консерваторов (провозглашавших славянофильство краеугольным камнем своей идеологии) втягивать Россию в борьбу на Балканах (с. 89). Ещё больше опасений вызывало у них возможное столкновение с Германией. Осознавая и учитывая неготовность к нему России и его катастрофические последствия (прозорливо изложенные в «Записке» П.Н. Дурново), правые не сочувствовали разрыву с монархическим государством, политическая система которого была наиболее близкой к российскому самодержавию. Союз с конституционной Англией и

республиканской Францией, напротив, рассматривался правыми как нежелательный, способный занести в Россию «вирус» демократии. Кроме того, Англию они подозревали ещё и «в стремлении переложить на Россию основную тяжесть борьбы с вражеской коалицией, максимально экономя собственные силы, дабы выйти из войны менее истощёнными, чем их союзница, и навязывать России свою волю в делах послевоенного мирного урегулирования» (с. 89, 122).

С началом войны внешнеполитическая программа правых претерпела существенные изменения. Теперь монархисты требовали совместного с союзниками владения Святой землёй, присоединения к России Галиции, Буковины, Закарпатской Украины, Армении, Северной Персии и, конечно же, Константинополя с проливами, что сблизило их с либералами, которые, тем не менее, продолжали обвинять правых в «германофильстве» и желании закончить войну сепаратным миром. Подобные обвинения, отмечает А.А. Иванов, «имели целью... больше скомпрометировать политических противников перед союзниками и народом, нежели предупредить и спасти Россию от внутреннего предательства» (с. 122). Правда, автор считает, что поводы для претензий у либералов всё же были. Наибольший резонанс получила заметка П.Ф. Булацеля, выступившего против предложения лорда Асквита о создании международного трибунала для императора Вильгельма. Булацель, «известный в довоенные годы как борец с “немецким засильем”», был вынужден извиниться за своё замечание о том, что российские газеты, смакуя заявление Асквита, пытаются «через голову “кайзера” приучать в России народные толпы к мысли о возможности вообще какого-то “верховного суда” над верховной властью» (с. 110–111).

В 1915 г., как констатирует А.А. Иванов, отношение к Германии и странам Антанты разделило монархический лагерь на три группы. Обновленческий СРН во главе с Н.Е. Марковым, с недоверием относясь к Англии и Франции, продолжал выступать за войну до победного конца. РНСМА вслед за своим председателем В.М. Пуришкевичем «неожиданно для многих принял открытую просоюзническую ориентацию», а Дубровин и некоторые его сторонники пришли к выводу о необходимости сепаратного мира с Германией, дав тем самым новые основания для обвинения монархистов в пронемецких симпатиях. В декабре 1915 г. правая группа Государственного совета даже сочла необходимым выступить «со специальной декларацией, призванной нейтрализовать многочисленные публикации в печати с обвинениями правых в германофильстве» (с. 116, 120).

Однако, несмотря на сближение внешнеполитических позиций правых и либералов в период войны, «во внутривнутриполитических установках между ними лежала пропасть»: «Либералы рассматривали войну, прежде всего, как войну “освободительную”, которая должна была привести к свободе как внешней, так и внутренней. Консервативный же лагерь чаял отвлечь народ от революционной борьбы посредством вызванного войной патриотического подъёма и стабилизировать внутреннее положение в стране победоносным её окончанием. Поэтому доведение войны до половины без достижения решительной, окончательной победы над врагом... было для большинства правых депутатов решительно невозможно» (с. 109).

Монархистам нельзя отказать в политической дальновидности. Автор связывает это с тем, что «правые депутаты, в большинстве своём помещики, священники и крестьяне, знали и чувствовали русский народ значительно лучше»,

чем высокообразованные, «но далёкие от народных масс либералы-интеллигенты». Консерваторы не раз заявляли об опасных последствиях действий (или бездействия) власти и либеральной оппозиции. «Вы, гг., по-видимому не понимаете, что вы хотите сделать, – обращался к своим противникам Н.Е. Марков в ноябре 1916 г., – и я вам указываю: вы хотите ввести в России революцию, чтобы революция разрушила всё, худо или хорошо сложенное русское государство» (с. 386, 325). Однако все попытки монархистов остановить надвигающуюся катастрофу наталкивались на непонимание верховной власти, всё ещё пытавшейся наладить диалог с либеральной оппозицией. Кроме того, по мнению А.А. Иванова, «заметную роль в потере правыми политического влияния сыграла постоянная травля и критика черносотенцев со стороны либеральной и левой прессы». Результатом этого стала демонизация консерваторов и утрата ими «сколько-нибудь значимой поддержки в обществе» (с. 431).

Следует добавить, что даже в рядах монархического лагеря правые парламентарии не имели особой поддержки, подтверждением чего служит раскол движения на внесистемных «дубровинцев» и возглавляемых «думскими правыми» «обновленцев». А парламентская фракция без опоры на партийные или общественные структуры была обречена на бессилие. Ситуацию могла исправить поддержка правительства, но власть предпочла дистанцироваться от «черносотенцев», и защитники самодержавия просто оказались не нужны монархии, с октября 1905 г. плывшей по течению либерального реформизма к своей гибели.

### *Андрей Николаев: Расколы и связи правых парламентариев*

В своей новой монографии А.А. Иванов впервые в отечественной историографии предпринял попытку показать правые объединения законодательных учреждений Российской империи – думскую фракцию и группу Государственного совета как две части одной политической силы (с. 72). Несомненно, этот подход является новым словом в исторической науке и заслуживает самой высокой похвалы. При этом Андрей Александрович построил своё исследование на основе огромного количества разнообразных источников, учтены им и выводы предшественников. Книга написана хорошим русским языком, легко читается и сможет привлечь внимание читателей даже из среды тех, кто профессионально историей не занимается. В целом же этот ценный труд вносит существенный вклад в изучение истории российского парламентаризма.

Большой интерес представляют приводимые автором сведения о создании ещё в период деятельности III Государственной думы Осведомительного бюро из 3-х членов правой группы Государственного совета и 3-х членов думской фракции правых для обеспечения взаимной осведомлённости и согласованности действий. Иванов также пишет о нередких совместных заседаниях «членов правой группы Государственного совета с членами фракции правых Государственной думы для обмена мнениями и выработки общей стратегии» (с. 73). Вместе с тем каких-либо конкретных сведений о деятельности бюро и этих совещаниях он не приводит.

Ссылаясь на сведения, опубликованные в «Вечернем времени» 25 июня 1915 г., автор сообщает о совещаниях «некоторых видных правых обеих законодательных палат», в ходе которых будто бы «установилась полная солидарность во взглядах на текущий политический момент и определилась возмож-